

A close-up photograph of a human hand held palm up, with a glowing, translucent yellow-green capsule resting in the center. A second hand is positioned above, with fingers gently touching the first hand. The background is a dark, starry space. The text is overlaid on the right side of the image.

ТЕПЛО,
КОТОРОЕ
ОСТАЁТСЯ

ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВ

Евгений Павлов

Тепло, которое остается

<https://litres.ru/73995134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сверхкороткая коммуна (SSC) — 90 дней в изоляции, чтобы создать прототип для тысячелетнего проекта. Никакой романтики по регламенту, только код, лес и общий костёр. Но люди — не баги, их не починишь патчем.

В первом томе «90 дней, чтобы влюбиться» Алиса и Дмитрий спорили о данных, случайно чувствовали эмоции друг друга через нейросинхронизацию и целовались под дождём. Вера и Илья учились доверять хаосу. Надя с Константином открыли «архив счастья». Всё только начиналось.

Во втором томе «Тепло, которое остаётся» — середина пути. Июль, духота, грозы и первые серьёзные испытания. Письмо из дома разлучает Веру с командой. Алиса выгорает на документации, боясь быть «пустышкой». Дмитрий впервые плачет и признаётся в страхе быть скучным. Константин показывает Наде свой личный архив.

Искры гаснут. Остаётся тепло. И вопрос: сможете ли вы принять друг друга такими — без масок, без кода, просто живыми?

Содержание

Глава 1. Ночь на крыше	4
Глава 2. Утренний стендап	38
Глава 3. Письмо из дома	66
Глава 4. Спр	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Тепло, которое остается

Глава 1. Ночь на крыше

Бессонница и выход на крышу

Forest-Coding-Retreat, Карельский перешеек, День 31, 23:30

Алиса не спала.

Она лежала в капсуле, смотрела в потолок и слушала, как за стеной тихо дышит Дмитрий. Ровно, спокойно — она уже научилась различать его дыхание во сне и наяву. Когда он думал, вдохи становились чуть глубже, паузы — длиннее. Когда спал — всё было ровно, как прилив.

Сейчас он спал.

В капсуле было тепло, пахло её шампунем — кокосом и чем-то цветочным — и хвоей, которая проникала даже сквозь закрытые окна. На потолке светились наклейки-звёзды: кто-то из прежних жильцов оставил их здесь, и Алиса так и не содрала. В темноте они казались настоящими.

Она повернулась на бок, потом на спину. Закрыла глаза. Открыла.

«Месяц, — подумала она. — Целый месяц. А кажется, что всегда здесь жила».

Мысли не шли, они просто кружились, как мотыльки у лампы. О сегодняшнем дне, о стендапе, о том, как Дмитрий сжал её руку под столом, когда она смеялась над шуткой Ильи. О том, как он потом смотрел на неё — долго, будто хотел что-то сказать, но не решался.

Тело требовало движения, воздуха, пространства. Слишком много всего накопилось за день, и даже стены капсулы казались тесными.

Алиса накинула толстовку — старую, выцветшую, ту, в которой спала последние недели, — и бесшумно выскользнула в коридор.

Здесь было тихо. Только тусклый ночник горел в конце, отбрасывая длинные тени на деревянные стены. Кто-то забыл кружку на полу — может быть, Илья. Алиса обошла её, прошла мимо капсулы Веры (оттуда не доносилось ни звука), мимо комнаты Нади и Константина (там тоже было тихо) и остановилась у двери, ведущей на крышу.

Луна светила в окно коридора — тоненький серп, похожий на улыбку. Не полная, но яркая. Ночи в июле уже не были белыми. Темнело к часу, и сейчас, без четверти двенадцать, небо над лесом было тёмно-синим, почти чёрным, а звёзды — крупными, как брызги соли на бархате.

Она открыла дверь, вышла на лестницу. Ступеньки были деревянными, тёплыми от дневного солнца — оно ещё не успело выветриться. Перила — шершавые, с мелкими заусенцами, которые она теперь знала на ощупь.

Лестница вела на плоскую крышу, где они иногда сидели вечерами, смотрели на закаты. Сейчас там было пусто. Или нет?

Алиса поднялась наверх и замерла.

Дмитрий сидел на расстеленном пледе, поджав колени к груди, и смотрел на звёзды. Он был в тёмном свитере, волосы взлохмачены — видно, тоже не спал. Рядом с ним стоял термос и две кружки: одна с его чёрным чаем, вторая — пустая. А на коленях — планшет с тёмным экраном.

Он не обернулся, но его плечи чуть напряглись — услышал шаги.

— Не спится? — спросила Алиса, подходя ближе.

— А тебе? — он повернулся, и она увидела его лицо, освещённое звёздами. Без очков — они лежали рядом на плече — он казался моложе, мягче, и от этого у неё защемило в груди.

— Тоже.

Она села рядом, почти касаясь плечом. От него пахло свитером — стиральным порошком, сосной и ещё чем-то его, родным, что она уже научилась узнавать.

— Я принёс мятный, — сказал он, наливая из термоса. — Ты любишь мяту, когда не можешь уснуть.

— Откуда ты знаешь?

— Спросил у Элинора. — Он протянул ей кружку. — Она сказала, что ты пьёшь мяту. И что ты не выносишь, когда тебя жалеют. Поэтому я не жалею. Я просто грею.

Алиса взяла кружку. Пальцы встретились — его были тёплыми, несмотря на ночную прохладу. Она сделала глоток: чай был горячим, чуть сладким — он добавил мёд.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Они помолчали. Только сосны шумели внизу, и этот шум был ровным, успокаивающим.

Дмитрий опустил взгляд на планшет, провёл пальцем по экрану. Тот засветился — тёмно-синий фон, десятки зелёных точек, соединённых тонкими линиями. Они пульсировали, перестраивались, иногда гасли и загорались снова.

— Что это? — спросила Алиса, наклоняясь ближе.

— Симулятор сети. — Он повернул планшет так, чтобы ей было видно. — Тысяча спор. Они общаются через mesh-протокол, сами находят маршруты, если какая-то падает. Вот смотри, — он ткнул пальцем в россыпь зелёных огоньков, — сейчас сеть стабильна. А если я выключу десяток узлов...

Он коснулся экрана, и несколько точек погасли. Линии перестроились, остальные точки замигали чаще, потом снова успокоились.

— Самоисцеление, — сказал он. — Через пять секунд всё

работает.

— Красиво, — прошептала Алиса, глядя на переливающиеся огоньки. — Как звёзды. Только живые.

— Они и есть живые. В каком-то смысле.

Она помолчала, разглядывая симуляцию. Потом спросила:

— А если добавить свечение? Чтобы в лесу они светились, как светлячки?

Дмитрий вздохнул. Этот вздох она уже знала — он означал «ты снова предлагаешь что-то невозможное».

— Это лишний расход энергии. На десять процентов. А у нас и так проблема с энергопотреблением в сырой среде.

— А если подумать?

Он посмотрел на неё. В свете планшета его лицо казалось бледным, но глаза — тёплыми.

— Ладно, — сказал он после паузы. — Подумаю. Но сначала стабильность. Через девять дней — полевое испытание.

Десять спор, лес, mesh-сеть. Если они не продержатся сутки, никакое свечение не поможет.

— Не провалимся, — уверенно сказала Алиса. — Потому что у нас есть ты. И я. И они все.

Он усмехнулся.

— Ты всегда так уверена?

— Нет. — Она отпила чай. — Но делаю вид.

«Он правда подумает о свечении, — мелькнуло у неё в голове. — Значит, не такой уж он скучный».

Дмитрий выключил планшет, отложил в сторону. Снова посмотрел на звёзды.

— Знаешь, — сказал он, — я раньше не понимал, зачем люди смотрят на звёзды. Ну, звёзды и звёзды. Точки света. Данные для астрономов.

— А теперь?

— Теперь понимаю. — Он поднял голову. — Когда смотришь на них, чувствуешь, какой ты маленький. И какой

огромный мир вокруг. И что все наши страхи — они вот такие, — он щипнул пальцы, — на фоне всего этого.

— И что, это помогает? Не бояться?

— Помогает. — Он повернулся к ней. — Но ещё больше помогает то, что ты рядом.

Алиса почувствовала, как к горлу подступает комок. Не от грусти — от неожиданной нежности.

Она сжала его руку. Он не отдернул. Так и сидели — кружки в руках, пальцы переплетены, звёзды над головой. И тишина, которая была не пустой, а тёплой, уютной, обещающей.

Встреча на крыше и разговор о страхах

Они сидели, глядя на звёзды, и Алиса чувствовала, как тает напряжение, которое накопилось за день. Рядом с ним было легко. Даже когда он молчал. Даже когда смотрел в небо и не говорил ни слова.

— Дим, — позвала она.

— М-м-м?

— Ты правда думаешь, что мы справимся? Со всем, что будет после?

Он повернулся к ней, и в его глазах не было привычной маски «взрослого, который всё контролирует». Только правда.

— Думаю, — сказал он. — Но не потому, что мы идеальные. А потому, что мы учимся. Ты — принимать помощь. Я — говорить, что чувствую. Это важнее, чем не ошибаться.

— А если мы всё равно ошибёмся?

— Тогда будем исправлять. Вместе.

Она сжала его руку. Он не отдернул.

— Дим, — сказала она, — а ты помнишь нашу первую встречу? В VR?

— Её невозможно забыть. — Он усмехнулся. — Ты появилась в своей вечной толстовке и сразу начала меня провоцировать.

— Я не провоцировала. Я тестировала.

— На что?

— На чувство юмора. — Она повернулась к нему. — И ты провалил тест.

— Я был занят. Думал о том, как бы не вляпаться в очередную авантюру.

— И вляпался.

— И вляпался, — согласился он. — И не жалею.

Она отпила чай, чувствуя, как тепло разливается по телу. Рядом с ним было не только легко — рядом с ним было дома. Даже здесь, на крыше, под открытым небом, в окружении леса и звёзд.

— А я тогда подумала, — сказала она, глядя на Млечный Путь, — «Скучный. Какой же я была дурой».

— А я подумал: «Она меня с ума сведёт». — Он сжал её руку. — И оказался прав.

— Сводит?

— Уже светла.

Она рассмеялась — тихо, чтобы не разбудить остальных. Но смех был настоящим, свободным, каким он бывает только ночью, когда никто не видит.

Дмитрий провёл большим пальцем по её ладони — медленно, задумчиво. Она почувствовала, как по коже побежали мурашки.

— Дим, — сказала она, — а ты помнишь, как спорил про трекер? Что я «слишком импульсивна», а ты — «осторожный и аналитический»?

— Помню. Ты тогда сказала, что я «не до конца распакованный архив».

— И что, распаковался?

Он посмотрел на неё. В свете звёзд его лицо казалось мягче, чем днём, без привычной маски.

— Кажется, да. — Он отпустил её ладонь, поправил выбившуюся прядь её волос, заправил за ухо. Жест был лёгким, почти невесомым, но Алиса замерла на секунду. — При твоей помощи.

— Я просто была рядом.

— Этого оказалось достаточно.

Они замолчали. Внизу, в лесу, кто-то шевельнулся — может быть, белка, может быть, ночная птица. Где-то далеко защелкал козодой, и снова всё стихло.

— Дим, — прошептала она, — а ты не боишься, что это кончится? Наши 90 дней?

— Боюсь, — ответил он без колебаний. — Но не так, как раньше. Раньше я боялся, что после коммуны мы разъедемся и всё забудется. А теперь... — он помедлил, — теперь я знаю, что не забудется. Потому что я тебя запомнил. Со всеми твоими смайликами, спорами, ромашкой. И звёздами.

— А если я забуду?

— Ты не забудешь. — Он улыбнулся. — Ты — «искра». Искры не гаснут. Они просто превращаются во что-то другое. В тепло. В свет. В память.

— Ты говоришь как поэт, — прошептала она.

— Это звёзды виноваты. Они заставляют забыть, что я скучный.

— Ты никогда не был скучным. — Она положила голову ему на плечо. — Ты просто прятался.

Он обнял её, притянул ближе. Она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно. И почему-то это успокаивало больше любых слов.

— Знаешь, — сказал он тихо, — я боюсь не того, что ты уйдёшь. А того, что я перестану быть тем, кто тебе нужен. Что после коммуны, в городе, в быту, я снова стану тем Дмитрием, который боится сказать «я люблю тебя» первым.

— Не станешь, — ответила она, не поднимая головы. — Потому что я не дам. И потому что ты уже научился. Даже если забудешь — я напомню.

«Напомню, — подумал Дмитрий, вдыхая запах её волос. — Она всегда напоминает. И это... это самое важное, что у меня есть».

— А ты? — спросил он. — Ты чего боишься?

Алиса отвела взгляд. Потом посмотрела на звёзды, на

Млечный Путь, на чёрные силуэты сосен.

— Что я стану «неискращейся», — сказала она. — Что ты увидишь меня уставшей, раздражённой, без идей, без этого вечного «давай сделаем!» — и разлюбишь.

— Алиса...

— Дай договорить. — Она сжала его руку. — Я привыкла, что моя ценность — в энергиях, в идеях, в том, что я зажигаю людей. А что, если я перестану гореть? Если проект провалится, если я ошибусь в документации, если просто не захочу ничего придумывать? Кто я тогда?

Он молчал. Потом обнял её за плечи, притянул ближе.

— Ты — это ты, — сказал он. — Даже когда молчишь. Даже когда у тебя нет идей. Даже когда ты просто сидишь на крыше и смотришь на звёзды.

— А тебе этого достаточно?

— Этого — более чем.

Она уткнулась ему в плечо. Пахло свитером — стиральным порошком, сосной и ещё чем-то его, родным.

— Даже если я начну ворчать по утрам?

— Буду варить кофе.

— Даже если я разбросаю носки?

— Соберу.

— Даже если я захочу смотреть глупые сериалы вместо документалки?

— Посмотрю с тобой.

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза.

— А если я не справлюсь с проектом? Если моя часть дашборда провалится на полевых испытаниях через девять дней?

— Тогда мы разберёмся вместе. — Он взял её за руку, переплёл пальцы. — Ты не одна. И я не один. Мы команда.

Она кивнула, чувствуя, как напряжение, которое держало её последние дни, начинает отпускать.

— Дим, — сказала она, — помнишь нашу ссору у озера?

— Ту, где я принёс ромашку?

— Да. Ты тогда сказал, что боишься, что я увижу тебя настоящего и уйду.

— А ты сказала, что я боялся жизни.

— И ты ответил: «Да, боялся». — Она помолчала. — А теперь?

Он посмотрел на неё, и в его глазах не было страха.

— Теперь я знаю, что жизнь — это не то, чего нужно бояться. — Он взял её за руку, переплёл пальцы. — Это то, что нужно проживать. С тобой.

Она сжала его ладонь, чувствуя, как тепло разливается по всему телу.

— Мы справимся, — сказала она.

— Справимся, — повторил он.

И в эту минуту, под звёздами, они оба знали, что это прав-

да.

Разговор о будущем и быте

Они долго сидели молча, глядя на небо. Время потеряло значение. Алиса чувствовала, как его дыхание успокаивается, как плечи опускаются — напряжение, которое он носил в себе весь день, наконец-то уходило.

— Смотри, — сказала она, показывая рукой. — Вон та яркая звезда. Это Вега? Или я путаю?

Дмитрий проследил за её пальцем.

— Вега. А рядом, чуть тусклее — Денеб. А вон там, почти над горизонтом, — Альтаир. Летний треугольник.

— Ты всё помнишь.

— Я астроном-любитель. Я всё запоминаю.

— А как называется вон та, красноватая?

— Марс. Он сейчас близко к Земле. — Он помолчал. — Хорошее время для наблюдений. И для полевых испытаний — если споры не собьёт радиопомехами.

— Ты всё о работе, — улыбнулась Алиса.

— А ты всё о звёздах.

Она повернулась к нему.

— Дим, а ты когда-нибудь жалел, что не стал астрономом?

Дмитрий провёл пальцем по её ладони — машинально, будто размышляя.

— Жалел. До этой коммуны. — Он поднял голову к небу. — В детстве я часами сидел на балконе, смотрел на звёзды. Думал: вот бы узнать, что там, за пределами. Потом родители сказали, что астрономы не зарабатывают. Что нужно нормальное образование, нормальная работа. Я послушался.

— А теперь?

— А теперь я понял, что звёзды никуда не делись. — Он посмотрел на неё. — И что можно смотреть на них не в одиночку.

У Алисы защемило в груди.

— А если бы ты стал астрономом, мы бы не встретились.

— Встретились бы, — уверенно сказал он. — Я бы работал в обсерватории, ты бы приехала с экскурсией, увидела меня у телескопа и сказала: «Сними очки, ты мне нравишься».

— С чего ты взял, что я бы так сказала?

— Потому что ты — это ты. Ты всегда говоришь, что думаешь.

Она рассмеялась.

— А ты бы снял?

— Снял бы. — Он улыбнулся. — Я ради тебя готов на всё. Даже на светящиеся споры.

— О, ты запомнил!

— Я всё запоминаю. — Он сжал её руку. — Но сначала стабильность, Алиса. Сначала mesh-сеть, которая не падает через час. А потом — светлячки в лесу. Обещаю подумать.

«Он правда обещает, — подумала Алиса. — Не «давай

подумаем», а «обещаю подумать». Это уже прогресс».

— Дим, — сказала она, — а ты боишься быта? После коммуны?

Он задумался. Провёл большим пальцем по тыльной стороне её ладони — медленно, успокаивающе.

— Боюсь, — честно ответил он. — Не того, что ты уйдёшь. А того, что я не смогу быть... таким.

— Каким?

— Открытым. — Он посмотрел на звёзды. — Здесь, в лесу, легко. Нет быта, нет работы, нет вечных «надо сделать отчёт» и «куда делась вторая носка». А в городе... я боюсь, что стану тем Дмитрием, который тебя бесил в VR. Сухим. Удобным. Скучным.

— Ты никогда не был скучным, — тихо сказала Алиса.

— Был. Я просто прятался. А здесь, с тобой, я научился не прятаться. Но что, если это только здесь? Что, если я вернусь в свою квартиру, закрою дверь и снова стану тем, кто говорит «давай подумаем» вместо «давай сделаем»?

Она подняла голову, посмотрела ему в глаза.

— Тогда я напомню. Приеду. Или позвоню. Или просто приду и скажу: «Дим, ты опять прячешься. А у нас через три дня полевые испытания, и без тебя сеть не взлетит».

Он усмехнулся.

— Ты умеешь быть настойчивой.

— Я умею быть там, где меня хотят видеть.

Он обнял её крепче, поцеловал в макушку.

— А ты? — спросил он. — Ты чего боишься в быту?

— Что я начну тебя бесить, — ответила она в его свитер.

— Что ты увидишь меня без макияжа, сонную, злую с утра

— и поймёшь, что ошибся.

— Я уже видел тебя сонную, — сказал он. — Ты милая.

— А злую?

— Ещё нет. Но я готов.

— А если я буду есть твоё печенье?

— Куплю новое.

— А если я переставлю книги на полке по цвету?

— Переставлю обратно.

— А если я буду петь в душе?

— Буду слушать.

Она отстранилась, заглянула ему в глаза.

— Ты правда готов к этому? К быту? К тому, что мы будем ссориться из-за невытой посуды и делить полку в ванной?

— Я готов учиться, — сказал он. — Я не умею жить с кем-то. Я всегда был один. Но с тобой... я хочу попробовать.

— Даже если я включаю свет в туалете ночью и бужу тебя?

Он рассмеялся — впервые за вечер по-настоящему.

— Даже тогда.

Она снова прижалась к нему, чувствуя, как его сердце бьётся в такт её собственному.

— Дим, — прошептала она, — спасибо.

— За что?

— За то, что ты есть. И за то, что ты не боишься пробовать. Даже когда страшно.

«Страшно, — подумал Дмитрий, вдыхая запах её волос. — Но с ней — не так страшно. С ней — почти нет».

Он поцеловал её в висок.

— Я всегда буду здесь. Обещаю.

Они снова посмотрели на звёзды. Млечный Путь проходил ровно над ними — мутная, светящаяся полоса, которая казалась дорогой, ведущей в никуда. Но теперь Алиса знала: эта дорога ведёт к ним. К ним двоим.

Звёзды и обещания

Они долго сидели молча, глядя на небо. Время потеряло значение. Алиса чувствовала, как его дыхание успокаивает-

ся, как плечи опускаются — напряжение, которое он носил в себе весь день, наконец-то уходило.

— Дим, — прошептала она.

— М-м-м?

— А ты веришь, что у нас получится? После коммуны? В городе, с бытом, с работой? — Она помолчала. — С проектом, который не всегда слушается?

Он повернулся к ней, взял её лицо в ладони. Пальцы были тёплыми, чуть шершавыми. Провёл большим пальцем по её щеке, стирая несуществующую слезинку.

— Верю, — сказал он. — Не потому, что мы идеальные. А потому, что мы учимся. Ты — принимать помощь. Я — говорить, что чувствую. Это важнее, чем не ошибаться.

— А если мы всё равно ошибёмся?

— Тогда будем исправлять. Вместе.

Она накрыла его ладонь своей, прижалась щекой.

— Дим, а помнишь, как мы спорили о светящихся спорах?

Ты сказал «подумаю», я сказала «это прогресс». Ты ответил: «Это бэклог».

— Помню.

— А теперь? Ты правда подумаешь?

Он усмехнулся.

— Правда. Если мы пройдем полевые испытания. Если сеть продержится сутки. Если ты не забудешь напомнить.

— Не забуду. — Она поцеловала его в уголок губ. — Я вообще ничего не забываю. Даже то, как ты в первый раз сказал «давай подумаем» вместо «нет».

— Ты записываешь?

— В сердце.

«Она шутит, — подумал Дмитрий, — но я знаю: она правда запоминает. Все мои «давай подумаем», все страхи, все обещания. И это... это делает меня сильнее».

Он обнял её, притянул ближе. Ночь стала совсем тёмной — звёзды горели ярко, но неба уже почти не было видно за

их сиянием. Где-то в лесу снова ухнула сова, и в этой тишине её голос прозвучал почти невесомо.

— Дим, — сказала она, — поцелуй меня.

Он повернулся, взял её лицо в ладони. Пальцы скользнули по скулам, по подбородку, остановились на губах — лёгкое касание, будто проверка: «Ты правда хочешь?» Она кивнула, и он наклонился.

Поцелуй был нежным, медленным, как будто они боялись спугнуть момент. Алиса чувствовала его дыхание, его губы, его тепло. Он пах свитером, сосной и чем-то сладким — может быть, мятным чаем, который они пили. Она запустила пальцы в его волосы — мягкие, чуть влажные от ночной прохлады, — и он выдохнул ей в губы.

Когда они отстранились, ей показалось, что время остановилось.

— Дим, — прошептала она, — спасибо.

— За что?

— За звёзды. За то, что ты здесь. За то, что ты есть. И за то, что ты согласился подумать о свечении.

Он рассмеялся — тихо, чтобы не разбудить лес.

— Это самое романтическое, что я слышал. Споры. Светящиеся споры.

— Ты просто не умеешь принимать комплименты.

— А ты умеешь их давать.

Он поцеловал её в лоб — нежно, почти невесомо.

— Я всегда буду здесь. Обещаю.

«Он не умеет врать, — подумала Алиса, чувствуя, как тепло разливается по всему телу. — Значит, правда. И это... это всё, что мне нужно».

Она положила голову ему на плечо, и они снова посмотрели на звёзды. Млечный Путь проходил ровно над ними — мутная, светящаяся полоса, которая казалась дорогой, ведущей в никуда. Но теперь Алиса знала: эта дорога ведёт к ним. К ним двоим. И это было главное.

— Дим, — сказала она, — а ты помнишь, как мы первый раз смотрели на звёзды? На крыше? Ты показывал мне Вегу,

Денеб, Альтаир.

— Помню. Ты сказала, что я «не до конца распакованный архив».

— А ты сказал, что я — «просто громкая».

— Я был идиотом.

— Я тоже. — Она улыбнулась в темноту. — Но теперь мы оба распаковались.

— Кажется, да.

Он сжал её руку. Она сжала в ответ.

Возвращение в модуль и финал

Они просидели на крыше ещё долго — может быть, час, может быть, два. Звёзды медленно перемещались по небу, луна поднялась выше, и её свет стал серебристым, почти прозрачным. Внизу, в лесу, всё замерло — даже птицы успокоились, и тишина стала такой плотной, что, казалось, её можно было потрогать.

— Нам пора, — сказал Дмитрий, но не двинулся с места.

— Не хочу, — ответила Алиса. — Хочу остаться здесь. С тобой. Со звёздами.

— Завтра будет новый день. И новая ночь.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Он встал, протянул ей руку. Она взяла её, чувствуя, как тепло его ладони перетекает в её. Пальцы переплелись — привычно, надёжно. Они собрали плед, термос, кружки. Алиса хотела взять планшет, но Дмитрий опередил:

— Я сам. Там симулятор сети, не хочу, чтобы ты случайно сбросила настройки.

— Я аккуратная.

— Я помню. — Он улыбнулся. — Но лучше перестраховаться. Полевые испытания через девять дней.

— Ты всё о работе, — вздохнула она, но беззлобно.

— А ты всё обо мне, — ответил он. — Это справедливо.

Они спустились с крыши — он шёл впереди, держа её за руку, чтобы она не оступилась. Ступеньки были тёплыми от дневного солнца, и на них всё ещё лежали мягкие отсветы луны. В коридоре горел тусклый ночник — Элинор оставляла его для тех, кто не мог уснуть.

У капсулы Алисы они остановились.

— Спокойной ночи, Алиса, — сказал Дмитрий.

— Спокойной ночи, Дим.

Он хотел уйти, но она не отпустила его руку.

— Дим, — сказала она, — спасибо.

— За что?

— За то, что ты был здесь. За то, что ждал. За то, что согласился подумать о свечении. — Она улыбнулась. — И за звёзды.

— Я всегда буду здесь, — ответил он. — Обещаю.

Она шагнула к нему, обняла. Крепко, по-настоящему, как

будто хотела передать ему всё тепло, которое накопилось за эту ночь.

— Мы справимся, — прошептала она ему в плечо.

— Справимся, — повторил он.

Она отстранилась, заглянула в глаза. Он смотрел на неё с такой нежностью, что у неё перехватило дыхание.

— Иди уже, — сказала она, улыбнувшись. — А то я не дам тебе уйти.

— А если я не хочу уходить?

— Тогда оставайся.

— На крыше?

— Здесь. Рядом.

Он поцеловал её в лоб — нежно, почти невесомо.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Дим.

Она скрылась за дверью. Он постоял ещё минуту, прислушиваясь. Звук её шагов, потом тишина. Он подошёл к своей капсуле, лёг, не раздеваясь, и долго смотрел в потолок, где светились наклейки-звёзды.

За стенкой Алиса заваривала ромашку — он слышал, как звенит кружка, как она вздыхает перед сном. И ему казалось, что он всё ещё чувствует тепло её ладони.

«Она сказала «мы справимся», — подумал Дмитрий, глядя на светящиеся звёзды. — Она всегда так говорит. И каждый раз я начинаю в это верить. Может быть, потому что она права».

Он закрыл глаза, прислушиваясь к своему дыханию. Сверчки стрекотали, и этот звук был таким же ровным, успокаивающим, как её голос.

— Элино́р, — прошептал он, — а ты веришь, что у нас получится? За пределами леса?

Элино́р(в наушнике, тихо): «Я видела тысячи пар. Успешные — те, кто не боялся говорить о страхах. Вы уже это делаете. Остальное — быт и mesh-сеть. А быт переживёт всякий код. А сеть вы почините».

— Спасибо, — прошептал он.

— Не за что, — ответила Элино́р. — Ты сам это делаешь. Я просто напоминаю, что ты можешь.

Он повернулся на бок, свернулся калачиком. Плед пах Алисой — кокосом и чем-то цветочным. Или это ему казалось?

— Элино́р, — сказал он уже сквозь сон, — сохрани этот разговор. В архив.

Элино́р: «Уже сохранила. Название: «Ночь на крыше, или Как научиться обещать». Спокойной ночи, Дмитрий».

— Спокойной ночи, — прошептал он.

И провалился в сон — без сновидений, без тревог, только тепло в груди и звёзды над головой.

Элино́р(в своём облаке данных, фиксируя): «День тридцать первый. Они не целовались под дождём, не клялись в вечной любви. Просто говорили о страхах, о проекте, о све-

тящихся спорах. Это важнее. Я сохраняю этот разговор в архив. Название: «Ночь на крыше». Индекс любви — 0,96. Индекс надежды — 0,99. Они готовы ко второму месяцу».

Глава 2. Утренний стендап

Утро в коворкинге

Forest-Coding-Retreat, Карельский перешеек, День 35, 8:45

Коворкинг наполнялся народом медленно, как летнее утро — сначала свет, потом звуки, потом голоса. Солнце уже поднялось над соснами, но не торопилось жечь: его лучи лились в панорамные окна молочным, ещё прохладным светом, высвечивая танцующие пылинки и золотистые отблески на деревянных стенах. За месяц все привыкли к этому свету — к тому, как он меняется от бледно-розового на рассвете до густого янтарного к полудню. Теперь они читали по нему время точнее, чем по часам.

В открытую форточку тянуло нагретой смолой, черничными кустами — ягоды уже начали поспевать, и воздух казался сладковатым, чуть приторным — и ещё чем-то медовым, цветочным. Донник цвёл у самой веранды, и его запах смешивался с хвоей, создавая тот особый июльский аромат, который невозможно спутать ни с чем. Где-то в лесу перекликались дрозды, их голоса были ровными, спокойными — птицы тоже не торопились. Кукушка, которая ещё неделю

назад отсчитывала чьи-то годы, сегодня молчала. Или просто спряталась в глубине леса.

Алиса влетела в комнату первой — рыжие волосы выгорели до медных, веснушки рассыпались по переносице гуще, чем в начале лета. Она уже не суетилась, не хваталась за всё сразу, а двигалась с лёгкой, отточенной энергией: схватила кружку, налила кофе, плюхнулась на подоконник — всё одним движением, без лишней суеты. За месяц в лесу она научилась не распыляться.

Дмитрий вошёл следом, поправил очки — на переносице остался белый след от загара. Плечи распрямились, он больше не выглядел так, будто только что с собеседования. Свистер всё тот же, тёмно-серый, но сидел на нём свободнее — или это он сам стал спокойнее? Он прошёл к столу, поставил ноутбук, и только тогда заметил, что его кружки нет на привычном месте.

— Ты куда поставила мою кружку? — спросил он у Алисы.

— На полку. Верхнюю. Ты сам вчера туда закинул.

— Я? — Дмитрий удивился, полез, достал. — А, точно. Вчера был долгий день. Я до двух ночи сидел с симулятором

сети.

— Ты вчера допоздна сидел с отчётами, — напомнила Алиса. — Я тебе чай приносила, помнишь?

— Помню. Ты сказала: «Пей, а то остынет». И ушла.

— Потому что ты сказал: «Сейчас, только закончу». И не закончил. Симулятор работал?

— Вроде да. Тысяча спор, самоисцеление за пять секунд.
— Он сел рядом, открыл ноутбук. — Но в реальном лесу всё может пойти не так.

«Десять спор через пять дней, — подумал Дмитрий, глядя на экран загрузки. — Если упадёт хотя бы одна на полевых испытаниях, Вера меня убьёт. Но я сделаю».

За окном сосны шумели, и в этом шуме было что-то успокаивающее, как в детстве, когда часами можно было смотреть на облака и ничего не делать.

Вера появилась с чашкой чая, волосы собраны в небрежный пучок. Русые пряди выгорели до пепельного, и теперь они казались светлее, чем в начале лета. Она больше не сверялась с планшетом на каждом шагу — просто шла и улы-

балась. Илья крутился рядом, подал ей салфетку, которую она не просила, и получил лёгкий шлепок по руке. Никакой злости — привычная игра.

— Садись уже, — сказала Вера.

— А если я не сяду?

— Тогда встанешь.

Илья сел. И подмигнул — но не назойливо, а почти подружески. Вера, проходя мимо, коснулась его плеча — коротко, незаметно для остальных, но он почувствовал и улыбнулся шире.

«Свободная строчка в расписании, — подумала Вера, садясь на своё место. — Работает. Даже когда не проверяешь».

Она открыла планшет, но не для того, чтобы сверять списки, а чтобы набросать меню на сегодня. Илья заглянул через плечо.

— Блины? — спросил он.

— Блины, — подтвердила Вера. — Как в первый день.

— Только без муки на полу?

— Постарайся.

Надя и Константин пришли вместе. Она держала две кружки — с зелёным чаем для него и с ромашкой для себя. Он нёс планшет и блокнот. За месяц Надя перестала быть «тенью»: она уже не держалась в стороне, а стояла рядом с Константином, иногда касаясь его локтя. Движения стали увереннее — не «отражённые», а свои.

Константин снял очки, протёр их — на переносице остался белый след. Лысина загорела и блестела на солнце. Он двигался всё так же угловато, но уже не так скованно, будто тело наконец привыкло к лесу.

— Ты сегодня рано, — сказала Надя.

— Не спалось, — ответил он. — Думал о вчерашних отчётах. И о том, что через пять дней нужно собрать десять спор.

— А ещё о чём?

— О чае. О том, что ты любишь ромашку.

Надя улыбнулась, ничего не сказала. Села рядом, поставила его кружку так, чтобы она была под рукой. Константин положил руку на спинку её стула — не обнимая, просто рядом.

«Он перестал поправлять очки каждые пять минут, — подумала Надя. — Привык. Или просто перестал бояться, что я смотрю».

Ольга и Сергей зашли последними. Ольга почти не пользовалась косметикой — за месяц привыкла. Её тёмные волосы выгорели до каштановых, серьги-кольца сменила на маленькие гвоздики — удобнее в лесу. Сергей подстриг бороду, и она стала ухоженной, а не «пещерной». Он нёс термос с чёрным кофе и выглядел почти счастливым.

— Ты сегодня не ругаешься? — спросила Ольга.

— Ещё буду, — ответил Сергей. — Подожди до деплоя. Дмитрий обещал новую версию mesh-протокола к вечеру.

— Ах, ну да. Традиции.

Ольга поправила ему воротник — машинально, привычно. Сергей накрыл её ладонь своей, сжал.

Полина и Артём устроились в углу. Полина загорела и теперь реже надевала очки — говорила, что линзы удобнее. Артём сидел рядом с планшетом, но не сверял каждый её жест — просто сидел и иногда кивал. Полина рисовала в скетчбуке быстрый портрет Ильи — тот как раз пытался стащить печенье со стола Веры.

— У него нос кривой, — шепнул Артём.

— Это ты кривой, — ответила Полина, не поднимая головы. — А Илья — красивый.

— Я обиделся.

— Неправда.

Он улыбнулся, и в его глазах не было привычного скепсиса. Полина дорисовала динозавра на футболке Ильи и показала Артёму.

— Теперь похоже?

— Похоже. Даже слишком.

Лев уже был на месте — с чашкой зелёного чая, загорелый, спокойный. Седина на висках выделялась ярче на тём-

ной коже. Он смотрел на всех с лёгкой улыбкой — как наставник, который гордится своей командой.

Соня прибежала последней, поправила выцветшие розовые волосы — они стали почти пастельными. Пирсинг в носу блеснул на солнце.

— Я не опоздала? — спросила она.

— Ты всегда опаздываешь, — ответил Лев.

— Но сегодня — меньше, чем вчера.

— Прогресс.

Соня улыбнулась, села рядом с Львом. В её движениях не было прежней дёрганности — месяц в лесу успокоил даже её. Лев положил руку ей на плечо, одобрительно кивнул.

Из динамиков раздался голос Элинор — бодрый, чуть ироничный:

Элинор: «Доброе утро, команда. Кофе сварили, зубы почистили, динозавров нарисовали — можно начинать. Сегодня капитан спринта — Дмитрий. Ротация, не забываем. Напоминаю: через пять дней — промежуточная веха: десять

собранных спор. Через двадцать пять — полевое испытание. Не подведите».

Шум не стих, но изменил тональность. Все повернулись к флипчарту, где Дмитрий уже выводил схему. За окном солнце поднялось выше, и его золотистый свет залил коворкинг, обещая новый длинный день.

Вера встала, подошла к столу, поставила перед Ильёй тарелку с печеньем.

— Ешь, — сказала она. — А то на стендапе будешь голодным и злым.

— Я никогда не злой, — ответил Илья, но печенье взял.

«Свободная строчка, — подумал он, жуя. — Она работает. И Вера работает. И я, кажется, тоже».

Распределение задач

Элинор объявила начало, и Дмитрий вышел к флипчарту. Он чувствовал на себе взгляды — привык за месяц, но всё равно каждый раз ловил себя на мысли, что они смотрят не на него, а на того, кто должен говорить. Он поправил очки, взял маркер.

— Всем спасибо, — начал он. — Наша цель на ближайшие пять дней — собрать десять спор. Не прототипов, а рабочих образцов. Корпуса напечатаны, чипы ждут пайки. Илья, ты отвечаешь за сборку.

Илья, до этого ковырявший наклейку на столе, поднял голову. На его кружке динозавр с аппетитом заглатывал строки кода.

— Десять спор? — переспросил он. — А если я сломаю хотя бы одну?

— Починишь, — ответил Дмитрий. — У тебя есть Соня и Артём. И запасные чипы. Вера, сколько у нас компонентов?

Вера открыла планшет, пробежалась по списку.

— Четырнадцать чипов, двенадцать корпусов, десять готовых плат. Запас — четыре комплекта. Бюджет уложился.

— Слышал? — Дмитрий посмотрел на Илью. — Четыре запасных. Так что ломай — но чини.

— Я аккуратный, — сказал Илья.

— Ты — хаос, — поправила Вера, но беззлобно. — Но в этом хаосе есть порядок. Надеюсь.

«Четыре запасных, — подумал Илья, крутя в руках кружку. — Значит, могу позволить себе одну ошибку. Или две. Но лучше ни одной. Вера всё равно заметит».

Алиса с подоконника подняла руку. Она сидела, поджав ноги, рыжий хвост перекинут через плечо, и веснушки на солнце казались ярче, чем обычно.

— А давайте сделаем их светящимися? — спросила она. — Ну, споры. Чтобы в лесу они светились, как светлячки.

Дмитрий вздохнул. Этот вздох команда уже знала — он означал «ты снова предлагаешь что-то невозможное».

— Нет, — сказал он. — Сначала стабильность. Через двадцать пять дней — полевое испытание. Десять спор, лес, mesh-сеть. Если они не продержатся сутки, никакое свечение не поможет.

— А если подумать? — не сдавалась Алиса.

— Я уже думал. Вчера. И позавчера. И на прошлой неделе. — Он посмотрел на неё. — Свечение — это плюс десять

процентов к энергопотреблению. В сырой среде батареи сядут за восемь часов вместо двадцати четырёх. Ты хочешь, чтобы споры погасли в полночь?

— А если использовать более эффективные диоды?

— А если сначала добьёмся стабильности?

Илья поднял кружку.

— Я за светлячков! — объявил он.

— Илья, не мешай, — сказала Вера, но уголки её губ дрогнули.

— Я просто выражаю поддержку творческим инициативам.

— Твоя творческая инициатива в прошлый раз сожгла микроволновку.

— Это была проверка пожарной сигнализации. Элинор, подтверди.

Элинор: «Не подтверждаю. Но сигнализация сработала исправно. Спасибо за тест».

Все рассмеялись. Даже Константин, который обычно только улыбался краем губ.

Дмитрий дождался, когда смех стихнет, и продолжил:

— Кроме сборки спор, у нас есть другие задачи. Mesh-протокол. Сейчас он работает в симуляторе на тысяче узлов, но в реальном лесу всё может пойти не так. Ольга, Сергей — вы отвечаете за интеграцию протокола с дашбордом.

— Есть, — сказал Сергей, отрываясь от термоса.

— Дашборд, — Дмитрий повернулся к Алисе. — Ты за документацию и API. Надя — за UX. Константин — за логи данных.

— Я сохраню всё, — кивнул Константин. — Даже неудачные версии.

— Это называется «архив», — заметила Надя.

— Это называется «страховка», — ответил Константин.

«Он научился шутить, — подумала Надя. — Или это я научилась слышать его шутки».

Лев, сидевший в своём углу с чашкой зелёного чая, поднял голову.

— А что с симулятором? — спросил он. — Ты говорил, что он готов.

— Готов, — ответил Дмитрий. — Тысяча спор, самоисцеление за пять секунд. Соня, ты будешь помогать Льву с тестами.

Соня аж подпрыгнула на стуле.

— Ого! А задание сложное?

— Очень, — ответил Лев. — Не справишься.

— А вот и справлюсь.

— Посмотрим.

Она поправила выцветшие розовые волосы, и в её движениях появилась уверенность, которой не было в начале лета. Лев положил руку ей на плечо, одобрительно кивнул.

— Вера, — Дмитрий повернулся к ней, — что у тебя по

ресурсам? Закупки, логистика, расписание.

Вера открыла планшет, пробежалась по списку.

— Компоненты для спор уже в лаборатории. Продукты закончатся через три дня. Завтра отправляем дрон. Также нужно проверить запасы воды и дров на следующую неделю.

— Я могу взять на себя дрова, — сказал Илья.

— Ты? — Вера подняла бровь.

— Я сильный. И ответственный. Иногда.

— Иногда — это не всегда.

— Но сегодня — иногда.

Вера покачала головой, но вписала его имя в планшет.

— Ладно. Но если ты сломаешь топор...

— Я куплю новый.

— В лесу нет магазина.

— Тогда почию. Обещаю.

Она посмотрела на него долгим взглядом, и что-то в её глазах изменилось — может быть, доверие, может быть, нежность. Илья, не удержавшись, подмигнул. Вера отвернулась, но без привычного раздражения.

«Он правда хочет помочь, — подумала Вера. — И я правда ему верю. Странно».

— Полина, — продолжил Дмитрий, — ты помогаешь Ольге с интерфейсом дашборда. Артём — тестирование. Чтобы к полю всё работало.

— Без багов, — пообещал Артём.

— Баги будут, — ответила Полина. — Но красивые.

— Это не баги, это фичи, — вставил Илья.

— Лев, — Дмитрий повернулся к нему, — ты — архитектурный консультант. Если сеть упадёт — твоя очередь искать причину.

— Без проблем, — кивнул Лев. — Но я не начальник, я — «спроси меня, если что».

— А что ты сам? — спросила Соня у Дмитрия.

— Я буду смотреть, чтобы никто ничего не сломал. И чтобы протокол не падал.

— Скучно, — резюмировала Соня.

Элино́р: «Скучно — это когда всё работает. Дмитрий, у тебя есть десять минут на личные дела, потом жду отчёт в архиве. Напоминаю: через пять дней — промежуточная ве-ха. Десять собранных спор. Через двадцать пять — полевое испытание. Не подведите».

— Не подведём, — сказала Вера.

— Не подведём, — повторил Илья, сжимая её кружку в руках.

Команда начала расходиться. Алиса подошла к Дмитрию, когда он стирал флипчарт.

— Слышал? Элино́р напомнила про поле.

— Я помню, — ответил Дмитрий. — Двадцать пять дней. Сеть из десяти спор. Лес. Влажность. Радиопомехи.

— Ты боишься?

— Нет. — Он помолчал. — Немного.

— Я тоже. — Она взяла маркер и, пока он не видел, нарисовала маленькое сердечко в углу доски. — Но мы справимся. Потому что у нас есть ты. И я. И они все.

— Ты всегда так уверена?

— Нет. Но делаю вид.

Он посмотрел на сердечко, потом на неё.

— Я не сотру, — сказал он.

— Знаю.

«Не сотрёт, — подумала Алиса. — Как в прошлый раз. И это важнее любого протокола».

Она улыбнулась и пошла к своему столу, оставляя его стоять у флипчарта с маркером в руке и странной, непривычной улыбкой на лице.

Микросцены и финал

После стендапа команда разошлась по своим углам, но энергия утра ещё не рассеялась — она висела в воздухе, как запах кофе и нагретой смолы.

Архивный уголок

В архиве было тихо — как всегда, когда Константин работал. Но теперь тишина стала другой: не пустой, а наполненной. Надя сидела рядом, и её присутствие не отвлекало, а, наоборот, помогало сосредоточиться.

— Сегодня Дмитрий был почти весёлым, — заметила Надя, открывая планшет.

— Он учится, — ответил Константин, не поднимая головы. — Мы все учимся. Через пять дней — десять спор. Если Илья ничего не сломает.

— А если сломает?

— Починит. У него есть запасные чипы. И Вера.

Надя улыбнулась. Константин сидел, слегка сутулясь, но уже не так, как в первый день. Пальцы бегали по клавиатуре, на экране сменяли друг друга столбцы цифр — логи энергопотребления, графики стабильности протокола.

— Ты уже смотришь данные симулятора? — спросила она.

— Да. Дмитрий скинул утром. Тысяча спор, самоисцеление за пять секунд. Но в лесу всё может быть иначе. Влажность, деревья, радиопомехи.

— Ты волнуешься?

— Немного. — Он оторвался от экрана, посмотрел на неё. — Но не так, как раньше. Раньше я боялся, что данные пропадут. А теперь... теперь я знаю, что мы всё сохраним. Даже если сеть упадёт.

«Он изменился, — подумала Надя. — Перестал бояться потерять контроль. Как и я».

Константин снял очки, протёр их. На переносице остался белый след. Надя протянула руку, поправила выбившуюся прядь его волос — короткое, почти незаметное касание. Он замер на секунду, потом улыбнулся.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что.

Она положила руку на стол, рядом с его ладонью. Он не отдёрнул. Так и сидели — близко, но не касаясь, и тишина была не пустой, а тёплой, уютной.

Коворкинг, уголок Сони и Льва

Соня крутила в руках планшет, Лев допивал зелёный чай.

— Лев, — сказала она, — а ты правда думаешь, что я справлюсь с тестами симулятора?

— Думаю, — ответил он. — Ты умная. И настырная. Это главное.

— А ты не боишься, что я сломаю что-нибудь?

— Сломаешь. Починим. Это тоже главное.

Соня улыбнулась, поправила выцветшие розовые волосы.

Лев положил руку ей на плечо — по-отечески, но без снисхождения.

— Ты уже не та Соня, которая приехала в июне, — сказал он. — Ты научилась не бояться ошибок.

— А ты научился не бояться, что я их наделаю?

— Тоже верно.

Она посмотрела на экран планшета, где горели строки логов симулятора.

— Тысяча спор, — прошептала она. — А мы делаем всего десять. Кажется, что это мало.

— Десять — это начало. Если они пройдут поле, через год их будут тысячи. А через сто лет — миллионы.

— Ты правда в это веришь?

— Верю. — Лев отставил чашку. — Потому что я видел, как из маленьких проектов вырастают большие. И потому что я видел, как вы растёте.

«Он гордится нами, — подумала Соня. — Даже мной.»

Странно, но приятно».

— Ладно, — сказала она, вставая. — Пойду проверю, как там Илья с чипами. А то он без меня точно что-нибудь сломаёт.

— Иди, — кивнул Лев. — Я потом подойду.

Она выбежала из коворкинга, оставляя за собой лёгкий запах розового шампуня и смеха.

Кухня, Ольга и Сергей

Ольга сидела на подоконнике с кружкой кофе, Сергей стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле.

— Ты сегодня дежуришь? — спросила Ольга.

— Да, — ответил Сергей. — Решил сварить суп. Чтобы никто не отравился.

— А Илья?

— Илья сегодня паяет споры. Ему не до супа.

Ольга усмехнулась, спрыгнула с подоконника, подошла к нему. Заглянула через плечо.

— Пахнет вкусно. Что там?

— Секрет. — Он повернулся к ней, и она оказалась совсем близко. — Не подглядывай.

— А если я хочу?

— Тогда помогай.

Он протянул ей ложку, и их пальцы встретились. Ольга не отдернула руку.

— Серёжа, — сказала она, — а ты не хочешь остаться здесь ещё на пару дней после коммуны?

— После коммуны? — Он удивился. — А можно?

— Можно. Элинор сказала, что модуль будет свободен неделю.

Он задумался, помешивая суп.

— А если мы останемся, кто будет деплоить новую версию дашборда?

— Сергей, — она повернулась к нему, — деплой подождёт. Лес — нет. И мы — нет.

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

— Ты изменилась, Оля.

— Я просто вспомнила, что есть вещи важнее деплоя.

— Какие?

Она не ответила, только взяла его за руку. И он всё понял.

«Лес, — подумал Сергей. — И она. Это главное. Всё остальное — код».

Веранда, Полина и Артём

Полина сидела на ступеньках веранды, рисовала в скетч-буке. Артём стоял рядом, смотрел через плечо.

— Это Илья? — спросил он, показывая на набросок.

— Нет, это ты. — Полина подняла голову. — Но у тебя нос прямее.

— Спасибо, — сухо ответил Артём. — А это что за динозавр?

— Это спора. Дмитрий сказал, что они не светятся, а я решила, что будут. Хотя бы на бумаге.

Она дорисовала динозавру светящиеся глаза и показала Артёму.

— Нравится?

— Выглядит... оптимистично.

— Это называется «дизайн-мышление».

— Это называется «ты опять не слушала Дмитрия».

Она рассмеялась, захлопнула скетчбук.

— Артём, а ты боишься полевых испытаний?

— Немного, — признался он. — Если сеть упадёт, мы не успеем переделать до демо-дня.

— А если мы всё сделаем правильно?

— Тогда... тогда я куплю тебе мороженое.

— Договорились.

Он сел рядом, и их плечи коснулись. Полина не отодвинулась.

«Он редко обещает, — подумала она. — Значит, верит, что мы справимся».

Финал. Элинор фиксирует

В коворкинге снова стало тихо. Элинор смотрела через камеры, как команда расходится по своим задачам. Илья уже сидел в лаборатории с лупой и пинцетом, Соня крутилась рядом, подавая чипы. Вера проверяла список закупок, но без привычного напряжения. Константин и Надя сидели в архиве, их плечи почти касались. Алиса и Дмитрий остались у флипчарта — она рисовала смайлики, он делал вид, что не

замечает.

Элино́р (в своём облаке данных, фиксируя): «День тридцать пятый. Индекс продуктивности — высокий. Индекс счастья — ещё выше. Команда знает, что через пять дней — десять спор, через двадцать пять — полевое испытание. Они готовы. Почти».

Она сделала снимок — общий план коворкинга, залитого солнечным светом. На стене флипчарт с сердечком Алисы и схемой Дмитрия.

Элино́р: «Сохраняю в архив. Название: «Утренний стендап, или Как не бояться вех». Продолжаем».

За окном солнце поднялось выше, и его золотистый свет залил коворкинг, обещая новый длинный день. Где-то в лесу запела птица — будто проверяла, не ушло ли лето. Но лето не уходило. Оно только начиналось.

Глава 3. Письмо из дома

Душный день и весть

Forest-Coding-Retreat, Капельский перешеек, День 36, 14:30

День был душным — таким, когда небо давит, а воздух становится тяжёлым, как мокрая шерсть. Солнце, ещё утром золотившее сосны, к полудню выцвело до белого, и его свет не грел, а только слепил, отражаясь от гранитных валунов. Небо на западе темнело — сизые тучи наползали на лес, медленно, будто нехотя, но уже несли в себе грозу. Птицы замолкли. Даже белки попрятались. Только изредка где-то в глубине леса вскрикнет сойка и снова стихнет.

Кукушка, ещё вчера отсчитывавшая чьи-то годы, сегодня молчала. Середина июля — время, когда лес замирает перед грозой, когда даже ветер не колышет ветки, а только приносит запах озона и нагретой смолы. На черничных кустах у веранды ягоды потемнели, налились соком, но никто их не собирал — было слишком жарко даже для этого. Они висели тяжёлыми гроздьями, готовые осыпаться от первого прикосновения.

Вера сидела на веранде с планшетом. На ней была лёгкая льняная рубашка цвета слоновой кости — та самая, в которой она приехала в первый день. Рукава закатаны до локтя, на предплечьях заметен ровный лесной загар. Волосы, собранные в низкий пучок, выбились несколькими прядями — влажность делала своё дело, и они то и дело падали на лицо. Она сдувала их, не отрывая взгляда от экрана.

Список закупок на сегодняшний вечер: продукты, вода, дрова. Через три дня дрон должен был отправиться в город, и она хотела всё проверить в последний раз. Но мысли уходили в сторону — туда, где в календаре проекта жирным было выделено: **«День 40 — промежуточная веха: 10 собранных спор»**.

«Через четыре дня, — подумала Вера, проводя пальцем по экрану. — Илья обещал собрать. Справится ли? Он никогда не паял споры. Никогда не составлял расписание. А я уеду... если кураторы вызовут»

Она почувствовала, как в груди зашевелился знакомый страх — тот, который она носила в себе с детства. Страх, что без неё всё развалится. Что если она отпустит контроль хотя бы на минуту — мир рухнет. Мама называла это «синдромом старшей сестры». Вера называла это реальностью.

«Но ведь я уже отпускала, — напомнила она себе. — Свободная строчка в расписании. И ничего не развалилось. Илья сам помыл посуду. Сам починил бойлер. Сам...»

— Ты сегодня особенно назойливый, — сказала Вера, не поднимая головы.

Илья крутился рядом уже с полчаса. То подавал ей чай — мятный, её любимый, с ложечкой мёда на блюдце. То приносил печенье, которое Вера испекла вчера — имбирное, с корицей. То просто стоял и смотрел через плечо, и его дыхание касалось её шеи — тёплое, чуть учащённое.

— Я заботливый, — поправил он. — Есть разница.

— Какая?

— Назойливый — это когда тебе не нравится. Заботливый — когда нравится.

— А мне должно нравиться?

— Конечно. Я же стараюсь.

Она подняла глаза. Илья стоял, опершись на перила, и смотрел на неё с лёгкой улыбкой. За месяц его лицо измени-

лось: пропала вечная напряжённость, глаза стали спокойнее, глубже. Волосы выгорели на солнце до русого, на носу появились веснушки — он их ужасно стеснялся, но Вера находила их трогательными. На нём была выцветшая худи с динозавром — та самая, в которой он приехал. Только теперь она была вся в пятнах от канифоли и чьих-то чернил.

«Он изменился, — подумала Вера, чувствуя, как уголки губ сами собой поднимаются. — Раньше он прятался за шутками. А теперь... теперь он просто стоит рядом. И этого достаточно»

— Ты всегда так смотришь? — спросила она.

— Как?

— Как на что-то вкусное.

— А ты вкусная? — Он притворно задумался, почесал затылок. — Не знаю. Дай попробовать.

— Илья, — она шлёпнула его по руке, но без злости, скорее по привычке. Ладонь встретила тёплую ткань худи, под которой чувствовалось его плечо — твёрдое, живое. — Прекрати.

— Ладно, ладно. — Он подал ей печенье, и его пальцы на секунду задержались на её. — Ешь. А то остынет.

— Печенье не остывает.

— Остывает, если долго ждать. А я жду.

Вера взяла печенье, откусила. Имбирь и мёд — её любимые. Он запомнил. Она улыбнулась, отложила планшет.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

«Не за что, — повторил про себя Илья, глядя, как она жуёт печенье, как на её губах остаются крошки. — Я бы для тебя всё. Даже если придётся паять десять спор за два дня»

Она откинулась на спинку стула, посмотрела на лес. Тучи напоздали всё ближе, и ветер, который ещё час назад был тёплым и ласковым, теперь стал порывистым, тревожным. Пахло озоном и мокрой пылью. Где-то далеко громыхнуло — глухо, предупреждающе.

— Илья, — сказала Вера, — а ты не боишься, что не успе-

ешь к вехе? Через четыре дня — десять спор. Чипы ждут пайки, корпуса на стеллаже.

— Успею, — ответил он без колебаний. — Даже если придётся паять всю ночь. Ты же будешь контролировать?

— Я буду в отъезде, — напомнила она. — Если кураторы вызовут.

— А, точно. — Он почесал затылок. — Тогда сам. Но я справлюсь. Обещаю.

«Справлюсь, — подумал Илья, чувствуя, как в груди разливается что-то твёрдое, новое. — Ради неё. Ради того, чтобы она вернулась и сказала: «Ты молодец». Ради того, чтобы она на меня так смотрела — не как на клоуна, а как на...»

Он не договорил мысль. Потому что в этот момент планшет Веры завибрировал.

Она взглянула на экран — и её лицо изменилось. Улыбка исчезла, будто её стёрли ластиком. Пальцы, ещё минуту назад спокойно лежавшие на коленях, сжались в кулаки — так, что костяшки побелели. Кровь отлила от щёк, и веснушки на бледной коже стали ярче, будто выступили на поверхность.

— Вера? — Илья насторожился. Голос его стал ниже, серьёзнее. — Что случилось?

Она не ответила. Перечитала сообщение — раз, второй, третий. Слова не складывались в смысл.

«Клиника СПб. Госпитализация вашей матери. Гипертонический криз. Состояние стабильно тяжёлое. Требуется ваше присутствие для принятия решений»

— Мама, — прошептала Вера. Голос дрогнул, и в этом шепоте было столько страха, что Илья почувствовал, как у него самого сжалось сердце. — Мама в больнице.

«Мама, — пронеслось у неё в голове. — Только не сейчас. Через четыре дня — веха. А я... я не могу... я всегда всё контролирую. Если я уеду, проект развалится. Илья не справится. Все подумают, что я слабая. Что я не нужна»

Она сжала планшет так, что экран погас от нажатия. Илья протянул руку, но она не заметила — смотрела в одну точку, на тёмные тучи, которые уже почти накрыли лес.

Первые капли дождя упали на гранитные валуны, оставляя тёмные пятна на светлом камне. Крупные, редкие — как

слёзы, которые она не могла выплакать. Илья шагнул ближе, накрыл её плечо ладонью — широкой, тёплой.

— Вера, — сказал он тихо. — Смотри на меня.

Она подняла глаза. В его взгляде не было привычной искры, шуток, подмигивания. Он был серьёзен — впервые за всё время, по-настоящему. И от этого стало ещё страшнее. И легче одновременно.

Паника и поддержка

Вера вскочила, едва не опрокинув кружку. Чай расплескался — тёмное пятно расплзлось по деревянному столу, впиталось в доски. Она не заметила. Глаза расширились, дыхание перехватило, в груди колотилось сердце — так часто, что казалось, рёбра сейчас треснут.

— Я не могу сейчас уехать, — забормотала она, заметалась по веранде. Руки дрожали — она сжала их в кулаки, но дрожь не прошла. — У нас спринт, закупки, расписание. Через четыре дня — веха. Десять спор. Илья, ты же ещё не начинал пайку. Если я уеду, кто будет проверять компоненты? Кто проконтролирует дашборд? Кто...

— Вера. — Илья подошёл, взял её за плечи. Пальцы его

были тёплыми, уверенными. Он сжал ровно настолько, чтобы она почувствовала: он здесь. Он не уйдёт. — Смотри на меня.

Она подняла глаза. Влажные, красные — слёзы ещё не потекли, но уже стояли на грани.

— Я всё сделаю, — сказал он, и в его голосе не было привычной шутливости. Только правда. — Ты только скажи, что нужно. Я составлю расписание. Я проверю закупки. Я отправлю дрон. Я соберу споры к вехе. Даже если придётся пахать всю ночь.

— Ты не умеешь составлять расписание.

— Научусь. Ради тебя.

— А если ты что-то забудешь? Если чипы перепутаешь? Если дашборд упадёт?

— Напомнишь. По телефону. Или Элинор напомнит. — Он сжал её плечи чуть крепче, и она почувствовала, как его тепло перетекает в неё — через ткань рубашки, через кожу, до самых костей. — Вера, я не дам проекту развалиться. Обещаю.

«Справлюсь, — подумал Илья, глядя в её испуганные глаза, на её дрожащие губы, на слёзы, которые она так отчаянно сдерживала. — Не имею права не справиться. Она верит мне. Впервые. Не как клоуну, а как... как тому, на кого можно положиться»

— Помнишь, что ты сказала у костра? — спросил он тихо.
— В первый раз, когда мы говорили о страхах. Ты сказала: «Ты — мой хаос. Но я боюсь, что без меня он разрушит всё».

Вера замерла. От этой отсылки у неё защемило в глазах.

— А ты ответил: «Тогда научи меня быть порядком», — прошептала она.

— Я научился, — сказал Илья. — Не полностью. Но достаточно, чтобы не дать всему развалиться за два дня. Доверься мне.

«Он помнит, — подумала Вера. — Он помнит каждое слово. Каждую мою глупую фразу. И он правда хочет научиться. Ради меня»

Из динамика на стене раздался тихий голос — спокойный, чуть ироничный, но без обычной шутливости:

Элинора: «Я уже заказала беспилотный модуль. Он будет у ворот через два часа. Вера, твоя мама в хороших руках, но твоё присутствие ускорит процесс выписки. Это медицинский факт. А по проекту: я буду следить за дашбордом и напоминать Илье о вехах. Через четыре дня — десять спор. Он успеет».

Вера посмотрела на динамик, потом на Илью. В её глазах застыл страх и... надежда?

— Вы уже всё решили без меня?

— Мы решили помочь тебе, — сказал Илья. — Ты не одна.

«Не одна, — повторила она про себя. — Сколько лет я боялась это услышать. Сколько лет думала, что если я не буду всё контролировать — мир рухнет. А он говорит: «Ты не одна». И я... я хочу в это верить»

Она вырвалась, отошла к перилам. Схватила за них так, что побелели пальцы — дерево было тёплым, но шершавым, с мелкими заусенцами. Дождь уже начался — крупные капли падали на гранит, на сосны, на её руки. Холодная вода смешивалась со слезами, которые наконец потекли.

— Я не могу бросить всё, — прошептала она. — Я всегда всё контролирую. Проект, расписание, споры. Если я уеду, а сеть не соберётся к полю... Это же наша вторая вежа. Если мы провалим полевое испытание...

— Мир не рухнет, — сказал Илья, подходя ближе. — Я не дам.

— Ты — хаос.

— А хаос иногда нужен, чтобы порядок не застаивался. — Он осторожно взял её за руку, оторвал от перил. Пальцы у неё были холодными, мокрыми — он сжал их, пытаясь передать тепло. — Вера, посмотри на меня.

Она подняла глаза. Дождь мочил её волосы, и они прилипли к вискам. Пряди прилипли ко лбу, и она не убирала их — только смотрела на него, ища в его лице ответ.

— Я не знаю, смогу ли я собрать десять спор за четыре дня, — честно сказал он. — Но я обещаю, что попробую. И если что-то пойдёт не так — я позвоню тебе. И мы решим вместе. Ты же будешь на связи?

— Буду, — выдохнула она.

— Тогда всё будет хорошо. И у мамы. И у проекта.

Она всхлипнула, уткнулась лбом ему в плечо. Он обнял её — крепко, надёжно, как будто хотел передать всё своё тепло. Она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, и это успокаивало больше любых слов.

«Он правда верит, — подумала Вера, вдыхая запах его худи — дымок, хвоя, что-то сладкое, может быть, печенье. — Он верит в себя. И я... я, кажется, начинаю верить в него»

— Илья, — сказала она, не поднимая головы, — а ты помнишь, как в первый день рассыпал муку?

— Помню. Ты вздохнула и убрала.

— А теперь ты хочешь собрать десять спор.

— Теперь я умею не только рассыпать.

Она слабо улыбнулась — впервые за эти минуты.

— Ладно. — Она отстранилась, вытерла щёки тыльной стороной ладони. — Я поеду. Но ты будешь отчитываться каждый вечер. О проекте. О спорах. О дашборде.

— Каждый час, — поправил он. — Если хочешь.

— Достаточно вечера.

Она посмотрела на лес, на тучи, которые уже почти накрыли небо. Дождь полил сильнее, но ей уже не было холодно. Потому что его рука всё ещё сжимала её пальцы.

— Вера, — сказал Илья, — ты сильная. Но иногда можно быть слабой. Я рядом.

Она сжала его пальцы в ответ.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что.

Сборы и отъезд

Вера вернулась в свою капсулу. Стены, которые ещё утром казались такими привычными, теперь давили — или это ей только казалось? Она открыла шкаф, достала сумку — ту, с которой приехала месяц назад. Ткань была мягкой, выцветшей на солнце. Внутри всё было сложено аккуратно, по-верински: сменное бельё, зарядка, блокнот, вторая кружка —

на всякий случай.

Но пальцы не слушались. Молния заела, она дёрнула — не поддаётся. Дёрнула сильнее — и в этот момент за спиной раздался голос:

— Помочь?

Она обернулась. Илья стоял в дверях, прислонившись к косяку. В руках он держал её кружку — «Планёрку», из которой она пила каждое утро. Керамика была тёплой — он специально нагрел её, налив чай? Или просто держал в руках?

— Я принёс... — Он протянул кружку. — Чтобы ты не забыла, что тебя здесь ждут.

Вера взяла кружку. Провела пальцем по краю — гладкая керамика, чуть шершавая там, где откололась крошка в первый день. Тёплая. Его тепло.

— Я и так не забуду.

— Я знаю. Но вдруг в больнице будет невкусный чай? А тут — твой, с мятой.

Она спрятала кружку в сумку, рядом с планшетом и зарядкой. Потом подошла к тумбочке, достала маленькую коробочку — ту самую, с которой Илья приехал в первый день. Универсальный магнитный ключ. «На случай, если порядок станет невыносимым», — сказал он тогда.

— Илья, — сказала Вера, — возьми.

Он удивился.

— Это же моя коробочка. Я тебе её в первый день показывал.

— Знаю. — Она протянула её ему. — Я храню её всё это время. Думала, что когда-нибудь порядок станет невыносимым, и я её использую. Но... — Она помолчала. — Я поняла, что порядок — это не главное. Главное — доверие. А она — твоя. Ты сам её используешь. Когда... когда я вернусь.

Илья взял коробочку. Пальцы его дрогнули — он сжал её, потом убрал в карман худи.

«Она хранила её, — подумал он, чувствуя, как в груди разливается тепло. — Всё это время. Думала, что когда-нибудь порядок станет невыносимым. А теперь отдаёт мне. Значит, доверяет. По-настоящему»

— Вера, — сказал он, — помнишь список компонентов, который ты вчера составила? Чипы в морозилке, корпуса на стеллаже, платы в антистатических пакетах. Не перепутаю.

— Не перепутай, — она шагнула ближе. — Илья, я всё сделаю. Дашборд проверю, споры соберу. К твоему возвращению десять чипов будут пищать.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Она посмотрела на него долгим взглядом. В его глазах не было шуток. Только решимость и что-то ещё — то, что она боялась назвать.

— Хорошо. — Она протянула ему планшет с заметками. — Здесь всё: расписание закупок, контакты поставщиков, график дежурств. И схема пайки — на всякий случай.

Илья взял планшет. Их пальцы встретились — его были тёплыми, её — холодными. Он задержал руку на секунду дольше, чем нужно.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что.

«Он справится, — подумала Вера, чувствуя тепло его пальцев. — Должен. Потому что я в него верю. Потому что он — не хаос. Он — порядок. Мой порядок»

Она шагнула к нему, обняла. Крепко, по-настоящему, как будто хотела передать ему всё тепло, которое накопилось за месяц. Он обнял в ответ — осторожно, словно боялся сломать. Его руки легли ей на спину, и она чувствовала их тяжесть — успокаивающую, надёжную.

— Я вернусь, — прошептала она ему в плечо. — Через два дня.

— Я буду ждать.

Она отстранилась, заглянула в глаза.

— Не сломай ничего, пока меня нет.

— Постараюсь. — Он улыбнулся — той улыбкой, которую она видела только в самые тёплые моменты. — Но если сломаю — починю. Ты же знаешь.

Она вышла в коридор. Там уже стояли Лев, Константин, Алиса. Лев — в своей неизменной тёмной флиске, спокойный, как скала. Константин сжимал планшет, на котором, наверное, уже открыл отчёты по датчикам. Алиса держала кружку с чаем — мятным, как любила Вера.

— Мы не хотели мешать, — сказал Лев. — Просто сказать: не волнуйся. Мы присмотрим за Ильёй.

— За мной? — возмутился Илья, появляясь за спиной Веры. — Я сам за всеми присмотрю.

— Тем более, — кивнул Лев.

Константин поднял планшет.

— Отчёты по датчикам я возьму на себя. И логи дашборда. Если сеть упадёт — сразу напишу. Всё будет в порядке.

— Спасибо, — сказала Вера.

Алиса подошла, протянула кружку.

— Это тебе. В дорогу. Мятный, твой любимый.

— Я же только что собрала сумку.

— Влезет. — Алиса улыбнулась. — И ещё: я буду готовить ужин, чтобы никто не отравился.

— Это меня и пугает, — сказал Илья.

Все рассмеялись. Вера почувствовала, как напряжение в плечах немного отпускает.

— Я быстро, — сказала она. — Два дня.

— Мы справимся, — сказал Лев. — А ты — справляйся там.

Она кивнула, вышла на веранду. Дождь почти кончился, только мелкая морось висела в воздухе — холодная, приятная после духоты. Беспилотный модуль уже ждал у ворот — серебристая капсула на низких опорах, с дверью, которая открылась автоматически, когда она подошла.

Внутри пахло пластиком и озоном — запах путешествия. Она села в кресло, пристегнулась. И в этот момент в кармане её куртки что-то звякнуло.

Она достала — маленькая коробочка. Та самая. Илья сунул её, пока она не видела.

«На случай, если порядок станет невыносимым», — вспомнила она его слова. — «Но теперь я знаю: порядок — это не главное. Главное — что он рядом. Даже когда далеко»

Она сжала коробочку в ладони, убрала обратно в карман.

— Элинор, — сказала она, — спасибо.

Элинор: «Не за что. Я просто делаю свою работу. А ты делай свою — будь рядом с мамой. И не волнуйся о проекте. Илья справится».

— Ты в него веришь?

Элинор: «Верю. И ты верь».

Вера подошла к модулю, обернулась. На веранде стояли все: Илья, Лев, Константин, Алиса, Надя, Соня, Ольга, Сергей, Полина, Артём. Кто-то махал, кто-то просто смотрел. Илья не махал. Он стоял, сжимая в руках планшет с её заметками, и смотрел на неё так, будто хотел запомнить каждую черту.

Она улыбнулась, шагнула внутрь. Дверь закрылась. Мо-

дуль бесшумно поднялся, развернулся и скрылся за соснами.

Илья остался стоять на веранде, глядя вслед. Первые капли нового дождя упали на гранитные валуны, на его волосы, на планшет, который он так и не отпустил. Где-то над лесом гроыхнуло, и дождь полил стеной — крупный, тяжёлый, июльский.

«Десять спор за четыре дня, — подумал он, провозжая взглядом исчезающую капсулу. — Справлюсь. Не имею права подвести. Она поверила мне. В первый раз по-настоящему»

Он развернулся и пошёл в лабораторию — проверять чипы. Коробочка в кармане слегка оттягивала ткань. Он коснулся её через худи — гладкая, холодная. Но внутри было тепло.

Глава 4. Спр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.